

**РЕГИОН: ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Содержание понятия региональное политическое пространство складывается на основе синтеза и взаимопересечения таких понятий, как регион, социальное пространство, пространство как система определенных общественных координат и показателей. Понятие регион фиксирует внимание на уровне политических отношений, которые воспроизводятся в данном объеме¹. Во-первых, это наиболее массовый уровень политики, наиболее непосредственно связанный с деятельностью общества как ее субъекта. Во-вторых, здесь наиболее прямо осуществляется взаимодействие власти и населения, проявляется демократизм социального порядка и реализуются в первую очередь, социальные аспекты политических отношений. В-третьих, регион есть синоним провинциализма и периферийности политики. В географии и региональной экономике регион употребляется довольно многозначно:

- как синоним термина район; отсюда - региональный, т. е. относящийся к району, районам;
- для обозначения сопоставляемых таксонов, принадлежащих к различным системам таксонирования или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования;
- для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами;
- для обозначения территориальных таксономических единиц определенного класса в конкретной системе таксонирования².

В социологической и политологической литературе понятие регион используется наряду с такими определениями и атрибутами, как местный, провинциальный. В общеполитическом смысле как часть чего-то целого. Для социологии и политологии это не совсем корректно, поскольку качества региона могут быть различными. Нередко регионы несопоставимы по своим свойствам и функциям. В современ-

ной общественной науке регион выступает преимущественно как метафора или собирательный образ, который воплощает экономические и политические явления в их специфическом содержании применительно к провинциальным условиям функционирования общественных отношений. Для политической проблематики понятие и сущность региона представляют собой преимущественно уровень и субъект политики. В зависимости от того, что вкладывается в данное понятие, изменяется его методологическая и социально-политическая нагрузка. Регион как уровень функционирования и воспроизводства политики связан в основном с ее периферийными, провинциальными явлениями. В данном случае регион рассматривается в своих соотношениях и взаимосвязях с политическим центром как ядро политической системы с ее периферией. Здесь речь идет не столько о конкретных проблемах этой взаимосвязи, сколько о методологии и технологии отношений³. Центр или ядро системы предметны - это столичный государственно-административный центр, а регион - больше символичен, поскольку периферия системы включает несколько десятков регионов. Если же регион рассматривается как субъект политики, то главное здесь - это его социально-политическая организация и полномочия как субъекта Федерации.

Одним словом, при неоднозначности понимания региона речь идет преимущественно о различном соотношении организационных и социальных аспектов политики. Регион как уровень политических отношений связан преимущественно с социальными ее аспектами, с деятельностью и функциями социальных общностей во властных структурах и местном самоуправлении. В полной мере здесь проявляют себя провинциальная политическая ментальность населения, неразрывность и ограниченность форм и способов общественной деятельности. Хотя это наиболее массовый уровень политики, в рамках которого наиболее непосредственно соприкасаются власть и общество, население от этого не выигрывает. Массовый, социально анонимный характер субъектов политики способствует в большей степени их отчуждению от власти, чем это может произойти с какими-то элитарными, избранными ее субъектами. Непосредственная демократия есть наиболее прямой путь непосредственного отчуждения общества от власти при развитии и нарастании авторитарных тенденций со стороны местной власти.

Когда же имеется в виду регион как субъект политики, то здесь доминируют ее организационно-властные аспекты, связанные с функционированием и полномочиями институтов власти и управления. Социальная сторона, как правило, сводится к функциям и деятельности административной элиты. Одним словом, проблематика региона дифференцируется в зависимости от разделения политических отношений на организационный и социальный их уровни. Регион рассматривается в данном случае как определенная социально-политическая целостность, упорядоченный политическими средствами общественный организм или социальная система. «Социальная система вырастает и эволюционирует на трех базовых параметрах: на определенных жизненных функциях, посредством которых живет соответствующая человеческая общность; территории, на которой эти функции осуществляются; и организационных структурах, обеспечивающих выполнение необходимых жизненных функций на данной территории и при данной совокупности населения»⁴. Жизненные функции системы обеспечиваются через социальные аспекты политики, а организационные структуры воспроизводятся через ее властно-регулятивные параметры.

Регион как субъект политики⁵ следует отличать от понятия социально-территориальной системы как определенной социально-политической среды или общности. Определенное совпадение здесь присутствует, особенно когда берутся социально-политические свойства региона, тем не менее это различие следует учитывать. «Социально-территориальную систему можно определить как в целом стабильный по этноконфессиональным и другим (исторического масштаба времени) признакам социум, определенным образом организованный (стихийно или преднамеренно) для длительной самостоятельной жизнедеятельности, поддержания своего существования как целостного социального организма и/или развития на данной территории»⁶. Социально-территориальная система, как это видно из определения, представляет собой упорядоченную систему взаимодействия между людьми, живущими на одной территории и опирающимися на совместно выработанные традиции и опыт. Система не находится в отношениях координации и субординации с другими подобными системами, что имеет место у региона. Она представляет собой саморегулирующийся общественный организм, лежащий за пределами отношений субъекта

и объекта власти, управления и внешнего регулирования. Данная система самодостаточна и самоценна. Она не нуждается во внешнем стимулировании или ограничении и соотносится с подобными себе системами вне политико-правового и государственного механизма, опираясь в основном на механизмы естественного социокультурного регулирования. Если социально-территориальная система рассматривается как субъект отношений, то имеется в виду в первую очередь коллективный характер субъекта, его равноправное положение с другими субъектами.

Под регионом понимается политологическая квалификация той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления⁷. Регион есть естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей. Учитывая реалии современного российского общества, можно с полным основанием говорить о его региональной структуре. Основные элементы этой структуры складываются отнюдь не из социально-политических организаций (областей и республик) как субъектов Федерации, а из явлений их непохожести друг на друга, из различий их политического статуса и экономических возможностей и даже из различного рейтинга руководителей (президентов, глав администраций, губернаторов). В экономически неразвитом обществе социальная дистанция между его элементами, их положение в социальной и политической структуре определяется не по линии их качественного своеобразия, множественности форм социальной жизни, а преимущественно в плане отставания одних элементов от других.

Социальное развитие таких общественных систем напоминает игру в «догонялки», когда аутсайдеры стремятся сблизиться с лидерами. Качество системы не является преимущественно формой проявления каких-то общезначимых социально-политических свойств (уровня занятости населения, степени его социальной защиты, политической мобильности, гражданской ответственности). Оно обусловлено степенью отставания одних регионов от других, причем эта степень нередко определяется чисто субъективными причинами (политичес-

ким статусом и рейтингом лидера, характером его знакомств с центральным финансовым ведомством и т. п.).

В основе региональной политической структуры лежат самые различные признаки, многие из которых связаны с несовершенством федеративных отношений, с почти тотальным влиянием в органах власти групп давления отраслевого и регионального характера, с непропорциональным финансированием различных регионов из федерального бюджета, с различием социальных статусов местной номенклатуры.

Под региональной политической структурой подразумевается совокупность административно-территориальных единиц, выступающих как организованные самоуправляющиеся политические сообщества и субъекты федеральной, местной власти, социальная сущность которых реализуется в отношениях с центральными органами управления и власти. Эта сущность связана с их фактическим неравенством или преимуществами по сравнению с другими регионами. Политическая региональная структура дифференцирована на субъекты и элементы по степени освоения и получения преимуществ и привилегий по сравнению с другими регионами. В одном случае эти привилегии обусловлены сравнительно высоким научно-производственным потенциалом и экономическим вкладом, в другом случае, что бывает особенно часто, принадлежностью своих лидеров к президентскому окружению или федеральному правительству.

Принцип «догонялок», политического и экономического аутсайдерства и лидерства положен в основу большинства современных классификаций регионов или региональной политической структуры. В некоторых случаях критерием дифференциации регионов является «наличие или отсутствие необходимых ресурсов» для «самообеспечения на основе собственного народнохозяйственного комплекса». По данному критерию все регионы - субъекты Федерации могут быть подразделены на три группы⁸.

К 1-ой группе могут быть отнесены регионы, не только полностью обеспечивающие свои потребности, но и производящие определенное количество (в стоимостной и натуральной форме) продуктов, превышающих реальные потребности населения и производственного комплекса.

2-ая группа включает регионы, способные удовлетворить свои собственные потребности (свести концы с концами), не более того.

3-я группа состоит из регионов, не способных себя обеспечить и нуждающихся в дотациях со стороны государства⁹.

В данном случае классификация регионов осуществлена на основе экономического, продовольственного и товарного потенциала, связанного с проблемой социального выживания населения. Здесь дифференциация проведена по принципу: «иметь больше или меньше», «жить за счет собственного труда и средств или преимущественно за счет других». Понятно, что речь идет о кризисном, экономически и политически малоэффективном обществе и такое деление регионов является достаточно случайным, не имеющим сквозного характера, то есть применимого к любым политико-экономическим ситуациям и поворотами социально-политического процесса.

Характерно, что по мере того, как иссякают постепенно экономические и социальные ресурсы регионов и все они становятся дотационными, внимание обращается и перемещается преимущественно на политические факторы их дифференциации и классификации. Экономических оснований становится все меньше и меньше. За основу дифференциации, в частности, берется ситуация в местном самоуправлении как квинтэссенция общей региональной политической ситуации. В первую группу («группу поддержки») входят области, политика руководства которых якобы строится на осознании роли самоуправления в стабилизации экономической и политической обстановки в регионе, содействии в развитии системы самоуправления как опоры органов государственной власти субъекта Федерации и регионального руководства во взаимоотношениях с Центром при отсутствии на местах сепаратистских устремлений. Здесь вроде бы реально развивается принцип территориального разделения властей, разграничение компетенции центра, регионов и муниципальных образований¹⁰. Вторая группа - это группа «пассивного сопротивления», которую составляют большинство регионов, и которая определяется отсутствием четко выраженной позиции руководителей по вопросам развития местного самоуправления. Третью группу можно определить как группу «активного сопротивления», характеризующуюся «особым путем» развития местного самоуправления, ссылками на местные условия, национальные особенности и др.

Данная классификация вызывает еще больше возражений и дополнительных вопросов, чем приведенная выше по уровню самообес-

печения. С самообеспечением не все понятно, поскольку для нас вопрос, кто кого кормит, был всегда открытым и спорным со множеством сопутствующих, дополнительных обстоятельств и подробностей. Брать же за основу классификации регионов развитость системы местного самоуправления - условность еще большая, поскольку его реальность и эффективность повсеместно ставится под сомнение. К примеру В. Голубев, вице-губернатор Московской области, отмечал: «Мы еще не знали настоящего местного самоуправления... Мы в нем и не жили как следует, не работали»¹¹. Тем самым невозможно классифицировать эти политические свойства в региональном социальном процессе по причине отсутствия или крайне слабой их выраженности. Даже при наличии эффективного местного самоуправления оно не может выступать критериальным свойством структурирования регионов. Сущность самоуправления универсальна и оно может различаться преимущественно по своим формам, а не по содержанию. Формы же самоуправления не исчерпывают всей глубины и содержания политических процессов в регионах.

Наиболее всесторонне исследовал проблему социально-политической дифференциации регионов Г.В. Марченко, предложивший шесть моделей или типов региональной социально-экономической политики¹².

Во-первых, «консервативно-коммунистическая» политика, сущность которой заключается в сдерживании роста цен и доходов населения.

Во-вторых, «национально-либеральная», при которой региональные власти пытаются следовать в русле либерального реформирования со всеми его издержками.

В-третьих, «интернационально-либеральная» модель, при которой региональные власти пытаются реализовать особый статус своих регионов как свободных экономических зон, включившись лишь в мировые хозяйственные связи.

В-четвертых, это «лоббистская» социально-экономическая модель, которой придерживаются региональные власти, имеющие в Москве своих представителей, выдвиженцев на важных государственных постах.

В-пятых, «сепаратистская» модель, представители которой просто вытрясают из федеральных властей особые привилегии под угрозой выхода из состава России.

В-шестых, патерналистская или патронажная модель, которой придерживаются руководители наиболее экономически и финансово несостоятельных и инвестиционно непривлекательных регионов.

В данной структуре также отсутствует определенное основание классификации. В качестве таковых выступают экономические, социальные, политико-идеологические обстоятельства, а не модель политического курса. Многое в данном структурировании определяется экономическими возможностями, производственным потенциалом регионов, который был заложен и сформировался еще в советское время¹³. Ни один из регионов не демонстрирует образцов и примеров устойчивого экономического и политического развития. При отсутствии определенных критериев классификации регионов данная классификация может быть и не ограничена шестью позициями и элементами. Наряду с моделями могут выделяться и рассматриваться их подвиды, поскольку собственно чистые модели, идеальные элементы также сложно обнаружить. Данную классификацию можно осуществлять до такого предела, когда каждый регион следует рассматривать в качестве отдельной, самостоятельной модели.

Причем любой элемент классификации должен отражать и воплощать в своих качествах в той или иной степени свойства системы, в качестве которой в данном случае берется политическая система на своем региональном уровне. Как видно из приведенной классификации, какое-либо указание на системные свойства регионального политического процесса здесь не дано. Сложно представить себе политическую систему или системность вообще из явлений либерализма, коммунизма и патернализма. Это явления мало, если вообще совместимые. Более того, и коммунизм, и либерализм в переходном, кризисном социуме выступают преимущественно как тенденции, а не конкретные явления со своим содержанием и границами. В условиях кризиса, экономической и политической стагнации весьма проблематично судить о собственно коммунистических или либеральных тенденциях, когда общество в основном связано с самосохранением и выживанием, с приспособлением к неблагоприятным экономическим и политическим условиям.

Таким образом, при анализе типов регионального политического процесса и элементов региональной политической структуры необходимо руководствоваться рядом принципов и условий.

Во-первых, соблюдением и использованием четких, единых и сквозных критериев классификации. Четкие в смысле ограниченности их числа, поскольку, чем больше критериев вводится в оборот и учитывается, тем сложнее и проблематичнее классификация. Критерии должны учитывать и схватывать наиболее принципиальные и существенные стороны и аспекты региональной политической структуры, фиксировать наиболее долговременные тенденции провинциального политического процесса. Единными такие критерии можно считать с точки зрения их применимости не только к дифференциации региональной политической системы, но и интеграционных процессов. На основании общих критериев можно было бы мыслительно не только расчленять, но и соединять систему. Здесь необходимо соблюдение единства анализа и синтеза в ее рассмотрении. Критерии должны быть сквозными, то есть применимыми в исследовании любого этапа в развитии системы, а не только ее кризисного, переходного состояния.

Во-вторых, использованием таких критериев, которые бы фиксировали не только тенденцию социально-политического или экономического развития, но и в первую очередь качество системы в целом. Они должны определяться состоянием системы, характером ее упорядоченности и целостности.

В-третьих, введением в оборот таких методологических оснований политической дифференциации регионов, которые в своей совокупности представляли бы также систему, элементы которой находятся друг с другом в отношениях субординации и координации.

Исходя из этого, критериями дифференциации регионов по их социально-политическому статусу могут быть:

- а) уровень экономической свободы;
- б) децильный коэффициент;
- в) индекс Джини;
- г) индекс потребительских настроений.

По каждому из этих критериев можно подразделять регионы на различные социально-политические группы. Особенностью критериев является их социальная природа. С одной стороны, они происходят от экономики, от уровня и эффективности производственной деятельности. С другой стороны, они непосредственно влияют и определяют политическую ситуацию в обществе. Политическая жизнь и политическое структурирование регионов определяются в первую очередь

экономическими изменениями. Политика непосредственно зависит от социальных условий, уровня и образа жизни провинциального населения. Приведенные выше индикаторы являются системой показателей именно образа и уровня жизни, который детерминирует политические изменения. Причем они используются в мировой практике, социально-экономической статистике, в политологических прогнозах и аналитических материалах. Эти показатели можно использовать и при политической классификации российских регионов по типам социального развития и моделями политического порядка.

Наиболее принципиальным индикатором при политической дифференциации регионов является уровень экономической свободы. Это производственно-экономический индикатор политики. Политику не следует измерять и замерять самой политикой. Она может быть оценена с точки зрения своей экономической и социальной эффективности. Категория свободы придает данному показателю универсальность и сквозной характер, обуславливает его связь со всеми сферами общественных отношений.

Понятие экономической свободы включает в себя соблюдение трех основных принципов - свободы индивидуального выбора, свободы частного обмена, гарантии частной собственности. Поэтому главными обязанностями современного государства и региональных политических сообществ являются: создание условий для максимальной свободы выбора, обеспечение свободного обмена, защиты частных контрактов и частной собственности. В той степени, в какой расширенному государству (правительству, президенту, Центральному банку, судебной системе, федеральным, региональным, местным властям, иным государственным органам) удастся обеспечить выполнение этих принципов, в такой степени страна или регион могут считаться экономически свободными. Уровень экономической свободы определяет и степень политической свободы. Это один из важнейших факторов, дающий возможность проанализировать особенности политического структурирования российских регионов, роль и место регионального политического пространства.

Примечания

¹ Карасев А.В. Анатомия политической власти (региональный аспект). Тверь, 1997.

² Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. М., 1983. С. 69.

³ Ковалев В.А. Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении. Актуальные вопросы регионального политического развития и проблемы теоретической концептуализации. Сыктывкар, 1999.

⁴ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М., 1994. С. 29.

⁵ Чернышов А.Г. Регион как субъект политики. Саратов, 1999. 228 с.

⁶ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М., 1994. С. 30.

⁷ Барзилов С, Новиков А., Чернышов А. Особенности развития политико-экономических процессов в российской провинции. М., 1997. С. 21.

⁸ Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. М., 1997. С. 37.

⁹ Региональная политика как диалог интересов // Регионоведение. 1995. № 2. С. 5-6.

¹⁰ Бикметов Р.М. Интеграционный и дезинтеграционный потенциал регионализма // Перспективы и проблемы становления Поволжского регионализма. М., 1999. С. 17.

¹¹ Независимая газета. 1999. 25 мая.

¹² Марченко Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности. М., 1996. С. 48-49.

¹³ Сухарев А.И. Основы регионоведения. Саранск, 1996.